

Пролетели года, а всё было как будто вчера...

А. А. Киселёв

Приближается 70-летие Победы. Кажется, о Великой Отечественной войне что еще можно добавить, что рассказать, ведь столько написано книг, воспоминаний, снято фильмов... И всё-таки у каждого участника войны, у каждого ветерана свои воспоминания.

Пересматривая фотографии тех давних лет, мы, семья ветерана-фронтовика Алексея Алексеевича Киселева, слушали его рассказ. Семь лет жизни, всю юность – с 17 лет и до 24-х – он был на военной службе. И, как для всех участников, ветеранов Великой Отечественной войны, тяжёлые испытания этого времени не прошли бесследно.

Рано покинув дом, Алексей Алексеевич немного знал о своих предках, и только сейчас эти сведения начинают пополняться. А мы, его домашние, попросили Алексея Алексеевича написать для «Кольского родословца» свои воспоминания о родителях и военной службе, пришедшейся на годы Великой Отечественной войны.

Служба в армии (1943 – 1950 гг.) и всё ей сопутствующее

I

Жизнь моя оказалась долгой и, пожалуй, не такой уж бесполезной. В то же время типичной для моего поколения.

Отец, Алексей Андреевич, справный хозяин, за что и раскулаченный, опасаясь еще более тяжких последствий, подался на север, на Имандру. Позже сюда перебралась и мать, Александра Федоровна, с двумя малышами – мне было 3 года, сестре Валентине – 2.

Родители не успели поставить меня на ноги. Мать умерла, когда мне было 13 лет, вскоре по абсурдному обвинению был арестован отец и сгинул в лагере.

Несмотря на то, что мне мало времени довелось быть с родителями, жизненный старт дали мне они. Трудолюбие и добросовестность в работе достались мне от отца-лесоруба, а терпение и умение спокойно делать свое дело – от матери.

А. А. Киселёв с родителями и сестрой Валентиной

Простая, неграмотная женщина она фактически держала на своих некрепких плечах дом. Отец приезжал с лесоучастка только на выходной. «Много плохого ты видела, милая мама моя. Жизнь тебя многим обидела...», – сказал бы я о своей матери вслед за поэтом.

В 1943 году мне исполнилось 17 лет, я не стал ждать повестки, сам пришёл в военкомат и осенью этого же года стал красноармейцем. В Сурске (Ульяновская область), в районном военкомате, нас всех, добровольцев и собравшихся по призыву из ближних и дальних сел, переписали и приказали: «Не расходиться!». Часа через два началась перекличка, кое-как нас построили, и новая команда: «Шагом марш!». И пошли мы, дождём поливаемы, к ближайшей железнодорожной станции. Это была Вешкайма. Наша толпа шла туда с какой-то неестественной, пьяной весёлостью. Были и песни, и хулиганство (все равно ничего не будет: дальше фронта не сошлют, ниже рядового не разжалуют).

В Вешкайме пришлось ждать вагонов-теплушек. Уже пахло зимой, по ночам были заморозки. У таких, как я, съестное кончилось, но нас никто не собирался кормить. И вот однажды ночью кто-то вырубил свет в огромном помещении, где нас, всех мобилизованных, сгрудили. Началась несутветная паника, бедные стали «шмонать» богатых...

К тому времени, когда подогнули вагоны, я получил первый опыт борьбы за свои права в армии: тащи, что плохо лежит, и держись со всеми – в случае чего тебя укроют.

Доехали до города Мелекесс. Там эшелон отогнали в тупик и дали команду: «Разгружайся!». От станции мы опять километров сорок плелись пешком. Тут уже выпал снег и было холодно.

II

«Кончился, – думал я, – второй отрезок моей жизни – отрочество. И теперь только от меня самого зависит, выживу ли я, или погибну».

Вот с этими мыслями я и вступил на территорию военного городка.

...В тот вечер нас накормили овсяной кашей, дали по кружке теплого чая и уложили спать. Перед сном я узнал, что на нас шло довольствие с момента призыва, но команда, откомандированная из полка за нами, всё это присваивала и продавала-пропивала. Это был ещё один урок, полученный в армии.

Военный городок, где разместили нас, новобранцев, был когда-то, ещё в дореволюционное время, местом дислокации частей царской армии. Поселили нас в большой казарме-землянке, точнее полуземлянке, три четверти её находились в земле, а одна четверть – над землей. Рассчитано это помещение было на 100-120 человек, на роту. В землянке посередине на всю длину казармы шёл проход, а справа и слева тянулись трехъярусные нары. Между ними стояли две печки-буржуйки и длинный стол, над которым висела электролампочка.

Я «захватил» место на третьем «этаже», посередине землянки: тут было всего теплее, да и до двери было недалеко. И началась моя армейская жизнь.

Главным нашим начальником (он и бог, он и царь) был старшина, татарин по национальности (Мустафа – так мы за глаза его звали). Он обращался с нами по всей строгости. Были и командиры отделений, и взводные, но наш старшина как-то всех заслонял. Он даже комсоргом роты был, хотя ему было под сорок.

Распорядок дня

Каждый день, ровно в шесть утра, в казарме раздавался страшно громкий голос старшины: «Подъём!». Мы как очумелые выскакивали из-под одеял, захватив одежду, лежащую в головах, бросались вниз, на ходу надевая штаны и гимнастерку, втискивали ноги (в портянках или без них – как придется) в ботинки, с обмотками в руках мчались на улицу, на построение. Плохо было тому, кто опаздывал: либо публичная ругань, либо наряд вне очереди. Пока старшина наводил порядок и ругался, наш брат прятался во второй шеренге и закручивал проклятые обмотки.

Удостоверившись, что рота в сборе, старшина громко подавал команды и с удовольствием гонял нас по снегу. Потом шла зарядка, после неё мы возвращались в казарму, заправляли постели, умывались. В это же время происходила так называемая проверка по форме № 6, т.е. санинструктор осматривал наши стриженные головы и швы нижней рубашки, нет ли там вшей или гнид. За этими паразитами в армии здорово следили и уничтожали их немедленно. Утренние дела шли своим чередом, и приходило время завтрака. В столовую шли строем, обязательно с песней. Если не пели, роту начинали гонять на плацу, пока не запоём.

После завтрака новое построение, на этот раз в шинелях, и на плац или в поле. Занятия шли до часу дня, потом обед и мёртвый час. С трёх часов ещё четыре часа учебы. На ужин часто давали селёдку. Солдаты, дежурившие на кухне, воровали её почём зря. И весной, когда стаял снег,

всё было усеяно остатками рыбы. После ужина – воспитательная работа: лекции, беседы, читки и т.д.

Самое мучительное время было перед отбоем: спать нельзя, а сил что-нибудь делать уже нет. Без десяти одиннадцать вечерняя поверка: «Иванов!» – «Тут!» – «Не тут, а я!» – поправлял «Сидоров!» Откуда-то слышится заспанное: «Здесь!» На что старшина строго: «Не здесь, а я!». Наконец, раздаётся долгожданная команда «Отбой!».

Но прежде чем улечься на нары, надо было уложить своё обмундирование и особенно побеспокоиться о портянках, они почти всегда были сырыми. Их клали на постель под себя, и за ночь они высыхали.

Солдатский сон мимолётный. Не успеешь заснуть, как Мустафа уже орёт: «Подъём!». И всё начиналось, как вчера и позавчера.

Ш

Наш 55-й стрелковый полк входил в состав Приволжского военного округа. Главная задача наших командиров заключалась в том, чтобы подготовить нас, пока лишь серую массу прибывших из глухих деревень, к фронту, хоть кое-чему научить.

Прежде всего, у нас каждый день была строевая подготовка. Гоняли нас, как сидоровых коз, до изнеможения. Затем стали изучать оружие, а потом начались тактические учения: марш-броски, переходы, атаки и т.д.

Перед Новым годом мы давали присягу «на верность народу, правительству и родному Сталину». К этому времени мы уже хотя бы внешне походили на солдат. Но до воинского мастерства было далеко.

Уже в первый месяц службы нас всех, не спрашивая, записали в комсомол. Старшине потребовался помощник: выписывать комсомольские билеты, отмечать уплату членских взносов, вести протоколы комсомольских собраний и т.д. Комроты увидел мой разборчивый почерк (а главное, я писал без ошибок). Так я стал писарем роты.

В феврале, перед Днем Красной Армии, его отмечали 23-го, – новый поворот в судьбе. Разговор у ротного был

короткий: «Завтра пойдешь к заведующему столовой, будешь хлеборезом». Так из писаря я превратился в хлебореза.

На пути к фронту

I

В середине мая 1944 г. началось формирование маршевых рот. Меня хотели оставить в полку, но я был категорически против. Дело кончилось скандалом, я прибежал на плац, где стояла моя рота, и со слезами встал в строй.

Нас повели к железнодорожной станции. На этот раз одели во всё новое – от шинелей и пилоток до американских ботинок и обмоток.

Грузились в теплушки где-то на задворках Мелекесса. В войну поезда ходили как придётся, без всякого расписания. На больших станциях всегда скапливалось много эшелонов, а между путями ходили лейтенанты и агитировали: «Пошли к нам, танкистам! У нас лучше всех!», а неподалеку зазывали артиллеристы: «У нас будете целее!». Дальше стоял эшелон саперов, те звали к себе.

Остановились неподалеку от города Козельска у реки Жиздра (Калужская область). Нас высадили и отвели в лес. Там были пустые землянки, в них и поселили нас.

Когда мы стояли в Козельске, я на рынке обменивал кое-что «лишнее» вроде белья, полотенца, мыла на нужные мне вещи. Так у меня появились сапоги, командирская фуражка, немецкий нож-кинжал.

Рядовой А. А. Киселёв

II

Наш эшелон прибыл на пополнение Третьего Белорусского фронта в дни открытия союзниками в Нормандии второго фронта.

Так начался новый этап моей воинской службы. Наш батальон очищал тылы Второго и Третьего фронтов от оставшихся немецких отрядов, от разных бандитских формирований. В общем, делали всё, что описано в повести Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого».

Это было нелегкое для меня время. Я пережил такой нервно-психологический шок, что он оставил след на всю жизнь. Но я перестал бояться и смерти. Все оставшиеся месяцы 1944-го прошли для меня как в тумане: мы куда-то ездили, ходили, где-то стреляли. Меня переводили из части в часть, мне даже присвоили сержантское звание. Я был командиром отделения в пехоте, командиром бронемашин (БМ-64) в разведке, заряжающим на СУ-76 (самоходная установка с 76-миллиметровой пушкой), командиром орудия на танке «Т-34». Весь этот калейдоскоп событий происходил на территории Белоруссии и Литвы.

III

Той же зимой я попал в 16-ю Литовскую дивизию. Когда Красная Армия стала освобождать Литву, всех литовцев призывных возрастов «забрили» и бросили в их национальное соединение. Литовских солдат было столько, что не хватало командиров. И вот мы, несколько сот молодых и более-менее грамотных младших офицеров, появились в Литовской дивизии.

В моём взводе было тридцать прибалтов, и все они годились мне в отцы. Я учил их строю, стрельбе, тактике. Они не знали русского языка, мы – литовского, но как-то выходили из положения. Особенно мне нравилось возвращение в казармы после учений, когда мои «солдатики» запевали свои протяжные и какие-то жалостливые песни.

Но судьба наносила мне удар за ударом. За какие-то прегрешения (говорили, за дезертирство) двух пожилых литовцев приговорили к расстрелу. Привести в исполнение

приказ было поручено моему взводу. Эта экзекуция происходила перед строем полка. Пока приговоренные рыли себе могилу, пока зачитывался приговор военного трибунала, я старался не думать о происходящем: война есть война. Но когда мне пришлось давать команду: «Приготовиться!», и я взглянул в лицо ближнего осужденного, я увидел в его глазах такую тоску, что она сопровождает меня до сих пор.

Я пришёл после «казни» домой и заболел. Душа заледенела, я как-то отупел. Долго в одиночку выбирался из этого состояния. Моя неокрепшая психика подвергалась таким испытаниям, что удивляюсь, как я не сломался.

IV

Всё, что пишут и говорят о войне, на 90 процентов неправда или полуправда. У каждого солдата были своя жизнь и своя война. Там совсем немного героизма и мужества, но полным-полно боли и крови, горечи и обид.

И тяжело мне вспоминать о том времени. Пришлось командовать расстрелом... Под Вильнюсом мне пришлось побывать на еврейском захоронении. В овраге лежало огромное пепелище, а там рылись люди, выискивая золотые вещи и безделушки...

А однажды во время «поисков бандитов» мы захватили бочонок браги и ведро яиц. На обратном пути домой в кузове полуторки организовали «ресторан»: пили брагу и закусывали яйцами, а скорлупу выбрасывали на дорогу. По ней-то нас и разоблачили. Наказание было несуровым.

В то же время мы все каждодневно ходили рядом со смертью. Я мог умереть за тот год десятки раз: и у станции Лида при бомбежке, и у Вилейки, где прорвались немцы, и в Вильнюсе. Почти никогда и ничего не загадывал дальше вечера. Но судьба оберегала меня, хотя и не щадила.

1945-й, Победа

I

Новый, 1945-й, год мы встречали в Литве. Нас то бросали против немцев, сидящих в курляндском мешке, то против литовских «лесных братьев». Во время одной такой опе-

Танкист А. А. Киселёв (слева)

рации, когда не понимаешь, где свои, а где чужие, меня ранили. Отлежав несколько недель в медсанбате, я вернулся в свою роту, которая стояла тогда в городке Побраде.

Здесь я встретил победный май сорок пятого. В нашем гарнизоне было как и везде: стрельба из всех видов оружия, выпивка и пляска, песни и бесконечные поздравления. Весь май был радостно-пьяный.

Осенью поступило предписание – выехать в город Радвилишкис, в распоряжение штаба 96-го тяжёлого танко-

самоходного полка. Открывалась ещё одна страница моей армейской жизни.

Аббревиатура полка (96-й отсап) означает: отдельный, танко-самоходный, артиллерийский полк. Кроме того, в названии воинской части были слова: гвардейский, Новгородский и двух орденов. В сорок пятом полк располагался на окраине города Радвилишкиса, в старых казармах литовского кавалерийского полка.

Меня зачислили в разведроту, я получил старенький броневик.

Весной 1946 г. наш полк перебросили под Ригу. Там мы стояли где-то на Псковском шоссе, в красивейших дачных местах. В то лето я часто бывал в Риге, этом прекрасном городе.

Жизнь и служба в Прибалтике были нелёгкими. Население относилось к нам либо настороженно, либо неприязненно. Для многих прибалтов мы были «оккупантами». Наши подразделения часто бросались то в один район бандитских действий, то в другой.

II

Наше положение, призывников 1926 года рождения, тоже было незавидное. Нам ничего не светило: ни демобилизации, ни отпуска, ни улучшения положения. Командиры и политруки убеждали нас: «Ребята, потерпите! У американцев появилась атомная бомба, и нам пока нельзя демобилизовывать всю армию. Товарищ Сталин надеется на вас, прошедших войну». И мы, преисполненные доверием вождя, подавляли свое чувство недовольства.

В 96-й полк я пришёл младшим сержантом, здесь я стал сначала сержантом, а потом и старшим сержантом. Отсюда в 1950 г. меня послали на офицерские курсы.

И ещё – в конце этого, 1947 г., я получил первый отпуск.

Армия хоть и забрала у меня семь лучших лет моей молодой жизни, но и дала навыки, которые пригодились в жизни.

А. А. Киселёв

Я всё чаще задумывался о своем будущем, о демобилизации, о продолжении учебы. Но пока – служба.

Пришлось мне участвовать в крупных учениях совместно с моряками Балтийского флота. Наши танки и самоходки тогда погрузили на трофейные баржи, и мы несколько дней болтались в море.

В тот поход у меня случились две неприятности. Первая случилась в служебном отсеке са-

моходной баржи, я разлил бензин при заправке паяльной лампы, а потом вспыхнул пожар, насилу затушили. Вторая случилась в конце учений – я открыл стрельбу из пушки раньше времени и первым же выстрелом снёс железное покрытие своей собственной баржи. Конечно, это не повод, чтобы хвастаться, но я окончательно понял, что военное дело – не мое призвание.

А тут и демобилизация началась. Мои сборы были недолгими. Прихватив на память о последнем этапе военной службы танковый шлем, я в начале октября 1950 г. отправился домой, в Мончегорск.

Вся моя дальнейшая жизнь связана с Севером, Кольским полуостровом, с Мончегорском и Мурманском, Мурманским педагогическим институтом (сейчас он стал университетом), где я работаю уже более 50 лет – полстолетия...